

Алексей Шкурат

СОЗВЕЗДИЕ ФЕНИКС

Алексей Шкурат
Созвездие Феникс

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

Шкурат А.

Созвездие Феникс / А. Шкурат — «Продюсерский центр ротации и продвижения», 2024

ISBN 978-5-907802-67-4

Разведывательный космический корабль отправляется на поиски загадочной «Плазмы», но перед самым стартом к экипажу присоединяется необычный попутчик — консультант по сенсорным системам с седьмым уровнем допуска. И уже на старте происходят необъяснимые изменения с пространством и кораблём. Как с произошедшим связан консультант Иван Сикорский? И причём тут «красные ящики»? В этих и других «загадочных» ситуациях предстоит разобраться капитану Бранту и его команде. Первой о сути событий начала догадываться врач-биолог: «Перед нами явление, у которого ваша хвалёная физика, на какую вы все молитесь, просто лежит в кармане».

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-907802-67-4

© Шкурат А., 2024
© Продюсерский центр ротации и
продвижения, 2024

Алексей Шкурат

Созвездие Феникс

© Алексей Шкурат, 2024

© Издательский дом BookVox, 2024

* * *

Прожекторы квадрокоптеров, зависших над космодромом, выхватывали из темноты шершавый бетон и кормовую часть корабля типа «Беглец». Керамитовая броня, мокрая от дождя, матово лоснилась. В тишине слышно было, как звенят капли, ударяясь о поверхность луж, да постанывает металл амортизаторов под тяжестью махины корабля, уходящей вверх в ночь.

Издалека, со стороны виднеющихся на горизонте огней, послышался звук двигателя, и вскоре, со скрежетом проваливаясь в колдобины, подъехал и остановился транспортёр с надписью «Космопорт». Прежде чем погаснуть, фары высветили частые струи.

А в это время на центральном посту корабля шла подготовка к старту. В середине полусферического зала за главным пультом в креслах сидели двое: первый помощник и он же штурман Снайс – молодой, розовощёкий красавец; вторым был инженер-электронщик Поплавский – жилистый человек лет за сорок, лысый, с вытянутым сухощавым лицом. Справа от главного находился пульт поменьше, за ним сидела врач-биолог Этель Вейн – молодая женщина с серыми глазами и коротко подстриженными каштановыми волосами. С левой стороны был ещё пульт, но кресло за ним пустовало. Сзади на некотором возвышении располагались пульт и кресло капитана Бранта – очень широкоплечего мужчины с круглой стриженной головой на короткой шее. Лет ему было около пятидесяти.

Тихо жужжали приборы, на стенах вереницами цифр светились экраны. Некоторые экраны были черны – то ли выключенные, то ли показывали ночь за бортом. Все сидели молча, только время от времени робот-контролёр монотонным голосом докладывал степень готовности отдельных систем. Вдруг раздался весёлый голос первого помощника:

– Если это санитарный инспектор, то последняя крыса покинула нас ещё в прошлом году на орбите Юпитера! – И после паузы: – Нет, это вы шутите! К нам полковники за месяц пропуск заказывают, а вы за час до старта какого-то дезертира подсовываете – у него даже звания нет! – После длительной паузы уже серьёзно: – Вот как? Ну ладно, а какой у него уровень допуска? Какой?? – возглас удивления. – Капитан, у нас проблемы!

– Что там случилось? – капитан оторвался от газеты.

– Нам предлагают взять на борт какого-то консультанта с немислимыми полномочиями. Выглядит это как инспекция.

– Успеваем принять?

– Да, по третьему Протоколу нештатных ситуаций.

– Можем отказать?

– Думаю, не стоит, уровень запроса высокий – комитет при Мировом совете. Но решать, конечно, вам.

– Есть личное обращение?

– Да, есть.

– Вежливо?

– Вполне, я бы даже сказал изящно.

– Не баба?

– Но капитан! – отозвалась врач-биолог.

– Простите, Этель. А в каком качестве он к нам?
– Консультант по сенсорным системам!
– Мы разве запрашивали кого-то? Выясните, какая у него личная квалификация?
– Сейчас, шеф, вот... Он художник!
– Визажист?
– Очень смешно! – вновь отозвалась врач.
– А было бы кстати. Что вы там говорили о полномочиях? И сколько ему лет?
– Ему 27 лет и у него 7 уровень доверия.
– Что?? И ваш компьютерный цербер пропустил эту брехню?
– Нет, сэр, это не брехня. Я проверил по Реестру личных кодов, всё точно.
– Хорошо. Он на бетоне? Этель, встретьте его, пожалуйста.
– Слушаюсь!
– Снайс, включите картинку (так капитан называл изображение на сенсорном экране) – специалисту по сенсорным системам будет приятно, и соедините меня по моему каналу с начальником Отдела безопасности.

Возле пульта капитана бесшумно поднялась прозрачная звуконепроницаемая перегородка, и через некоторое время в наушниках послышался мягкий голос:

– Здравствуйте, Брант, давно вас не слышал.
– Добрый вечер, Сильвер, у вас уже темно?
– У нас тихие сумерки.
– Простите, Сильвер, что беспокою вас по личному каналу, но у меня, как бы это сказать, неясности.

– Слушаю вас.
– Не ваше ли ведомство подкинуло нам парня?
– Нет, это не наша инициатива, если вы это имеете в виду. Ведь человека к вам направил Главный совет, не правда ли?

– Да, но у меня предстартовая готовность – и вдруг без всяких объяснений. Что за спешка?

– Видите ли, тут кое-какие экстренные обстоятельства и очередная безумная идея Комиссии по контактам – вы же их знаете.

– А что за обстоятельства?
– На этот вопрос я не могу вам ответить. А идея – редкостная чушь, говорить о ней всё равно что пересказывать неприличный сон гимназистки. Но знаете, как с ними носятся? И нам пришлось согласиться.

– А не связана ли эта история с особым статусом RX-6?
– Косвенно – да. Большого я не в праве вам сообщить. – На этом разговор закончился.
«В секретность всё играют, – проворчал капитан про себя. – Однако должно было произойти что-то из ряда вон...» – и, поразмыслив минуту, не убирая звукоизоляцию, стал набирать только ему известный номер.

Через некоторое время в наушниках послышался кашель, и скрипучий голос спросил:
– Это вы, Брант? Здравствуйте.
– Здравствуйте, Флетчер! Найдётся ли у вас пара минут для меня?
– Разумеется, я всегда рад вас слышать. Только извините, я буду иногда браниться с Фафом.

– Но ведь он по-прежнему заботится о вашем здоровье?
– Как же! Вообразите, эта скотина забралась в чашу и жрёт там какую-то мерзость! Фаф, ну побереги хотя бы мою печень! Нет, видно придётся уволить садовника.

– А кто же будет опекать ваш «гарем»? Есть ли новые поступления, как вы выражаетесь?

– Как же, как же, есть новенькие – юные, грациозные, царственные. Некоторые уже показали свою прелесть, распустились. Кстати, сейчас подумал: «распустилась» – сама, а «распушенная» – кем-то, замечали? Впрочем, где уж вам, вы человек действия.

– А как же прежние возлюбленные? Волнуют ещё?

– О да! Они настоящие друзья, но хочется риска, тайны, неожиданности. А всё же, с чего это вы обрушились на нас с Фафом? Ведь мы, кажется, сегодня играем. Или я что-то перепутал?

– Нет, всё правильно, играем, но, видите ли, в верхах какая-то заваруха, и наш корабль имеет к этому отношение, а я, к стыду своему, ничего не знаю. Не слышно ли у вас чего?

– Да, я слышал что-то несуразное. Кто-то, кажется, выпал из корабля, но, при чём тут ваш RX, я не знаю.

– У меня внезапная инспекция, а ваш человек в Навигационном управлении мог бы что-то знать об этом.

– Думаете, его тоже надо выгонять?

– Это дело не моё, а вот на кого он работает, хотелось бы уточнить.

– Хорошо, вечером поговорим, а сейчас идём мыть морду и уши – он уже дожрал! – И Флетчер дал отбой.

Капитан опустил прозрачную перегородку и огляделся. В этот момент отворилась дверь внутреннего лифта и вошёл высокий, странно одетый человек. На нём был охристый длинный балахон, капюшон которого он при входе сдвинул на спину. Волосы оказались коротко подстрижены. Человек принялся с любопытством озираться. Черты лица имел правильные, ничем не примечательные. Внимание привлекали только глаза – они светились доброжелательным вниманием, при этом человек слегка улыбался.

Капитану вошедший не понравился – типичный штатский умник. А когда оказалось, что тот босой, внутри капитана раздался голос: «Плохи наши дела...» А человек с видимым удовольствием переступил несколько раз на месте, пробуя ступнями упругий ковёр, и в сопровождении врача-биолога пошёл к пульту управления, где его ждал помощник Снайс.

Капитан с раздражением отметил, что двигается консультант не торопясь, прогулочным шагом. Впрочем, от женщины он почти не отстал. Разговор старшего помощника с вновь прибывшим можно было слышать по внутренней связи. Иван Сикорский – так звали консультанта – на вопросы стандартной формулы включения в экипаж отвечал спокойно и внятно. Держался прямо, но при этом как-то странно переступал. Капитан наклонился вперёд, чтобы посмотреть, что там происходит. Оказывается, робот-уборщик, сделанный в виде большого хорька, жадно лизал подставленную ступню консультанта. Капитан поднял глаза и встретил шутивно-заговорщицкий взгляд хозяина ступни. Ситуация показалась капитану Бранту глупой, и он, отвернувшись, подумал, что Снайс, конечно, обратит внимание этого шута на обязательность форменной одежды и обуви. При этом капитан посмотрел на свои ноги в шлёпанцах, убрал их под себя и хотел было свериться с табло отчёта, но сделать этого не смог – свет померк в его глазах.

Наступила глубокая темнота и тишина. Длилось это, как показалось Бранту, довольно долго. Потом он ощутил холодок на щеке и услышал шёпот ветра над правым ухом. Постепенно темнота перед глазами поредела, и проступили какие-то неясные формы. Прошло ещё некоторое время, прежде чем стало понятно, что это взрыхлённая земля и сухие стебли на ней. Капитан увидел также маленькие руки, выпачканные землёй, и ощутил, как эти руки озябли. Почувствовал он также ломоту в спине и нытьё в коленях – он сидел на корточках, выбирал из земли золотистые клубни и складывал их в жестяное ведро. Он всё это видел и ощущал, но тело было не его! Эти руки могли принадлежать ребёнку или... женщине – он обратил внимание на непривычное напряжение в том месте, где колени упираются в грудь. Ещё он осознал, что давно пора помочиться. Тут в поле зрения оказалось чёрное поле, уходящее к горизонту под серым низким небом. До ближайшей рощицы, тоже серой, было далеко. Двигаясь вдоль

горизонта, взгляд наткнулся на зубчатую полоску леса, но это ничего не изменило – трудно было представить пейзаж более унылый. Взгляд вернулся к рукам, и он долго дышал на них, пытаясь согреть окоченевшие пальцы. Когда он снова поднял глаза, то не поверил себе – среди безнадежной серости в небе над лесом проступила нежная малиновая полоса, потом ещё одна чуть выше. Это казалось чудом. На глаза навернулись слёзы – должно быть, от ветра.

И тут капитан услышал голос Снайса, всё так же инструктирующего нового члена экипажа. Капитан Брант пошевелился – ломоты в спине и в коленях не было, но потребность справиться нужду осталась, и ещё он почувствовал влагу на щеках. Взглянул на часы – видение почти не заняло реального времени.

Выйдя из туалета, капитан осмотрелся: все были на своих местах, занятые последними приготовлениями к старту, только Сикорский стоял у сенсорного экрана. Капитан хотел сделать замечание, но тут в груди у него что-то оборвалось – он внимательно всмотрелся в окружающее, пытаясь понять, что произошло, и взгляд его остановился на верхних экранах. В следующее мгновение по громкой связи раздался его гневный голос:

– Какой у нас прогноз?!

– Как и прежде, 3 километра облаков, – ответил первый помощник Снайс.

– Тогда что за бардак на верхних экранах?!

– Господи! Звёзды... – послышался голос врача-биолога Этель Вейн.

– Именно звёзды! Наблюдатели. Дайте вид с орбиты, включите круговой обзор.

– Над нами колодец, вокруг начинается турбулентность! – отрапортовал помощник.

– Определите диаметр и дайте мне Порт.

– RX-6 – Порту: мы стартуем, а вы балуетесь с облаками?

– Порт для RX-6: никаких дел с облачностью!

– RX-6 – Порту: тогда откуда чистое небо над нами?

– Порт для RX-6: повторяю, никаких воздействий на облачность! И какое чистое небо?!

У нас потоп, насосы не справляются!

– RX-6 – Порту: посмотрите с орбиты.

Через несколько секунд в динамиках послышалось:

– Чёрт возьми! Над вами дыра! Но десять минут назад ничего не было.

– Когда начался ливень?

– Минут двадцать назад... ага, теперь понятно, откуда столько воды. Порт для RX-6: старт запрещаю! Повторяю, старт отменяется!

– RX-6 – Порту: позвольте напомнить, в нештатных ситуациях решаю только я.

И далее последовала команда:

– Всем занять места по стартовому расписанию! Включить отсчёт!

В наступившей тишине вдруг тревожно прозвучал голос инженера-электронщика:

– Капитан, мы не можем стартовать!

– Что значит – не можем? В чём дело?! – голос капитана гремел.

– Все стартовые параметры изменены!

– Как это могло произойти?!

– Как будто кто-то вмешался в настройки...

– В этом сумасшедшем доме должен быть кто-то нормальный – что говорит Главный?

– Главный компьютер разрешения не... простите... старт разрешает! Но это невозможно!

– Начать отсчёт! – рявкнул капитан.

– В соответствии с новыми параметрами старт откладывается на 15 минут.

– Ладно. Измерьте всё что можно за бортом – магнитное поле, радиацию, температуру, ветер, гравитацию, наконец. Что там теперь?

– Диаметр 500 метров, мы по-прежнему в самом центре. Турбулентность по периметру нарастает, внутри слабые восходящие потоки, температура без изменений, – ответил помощник Снайс.

Капитан обратился к инженеру:

– Фрэнк, найдите мне источник воздействия на стартовый блок. И попробуйте прикинуть уровень энергетических затрат на поддержание в устойчивом состоянии такой флюктуации, как этот колодец. – И обращаясь к Снайсу: – Штурман, посмотрите, можем ли мы связаться с RX-2 – где он теперь?

– Последние сведения от RX-2 получены с орбиты Плутона, так что поговорить вряд ли удастся.

– Зашифруйте следующий текст:

«Капитан Брант капитану Гарбареку

Прошу ответить:

1. Имели ли место в последнее время на вашем корабле нештатные ситуации невыясненного происхождения?

2. Возросло ли внимание со стороны вышестоящих органов?»

В наушниках послышался голос инженера Фрэнка Поплавского:

– Капитан! Я думаю, этот колодец можно было бы поддерживать с помощью энергии холостого хода нашего реактора.

– Ну да, тем более что никаких других источников поблизости не наблюдается. Повторяю, найдите источник влияния на стартовые параметры.

Раздался голос первого помощника:

– Все системы готовы! Начинаем отсчёт!

Засветилось, замигало красное табло, бесстрастный голос компьютера предложил всем занять места по стартовому расписанию. Откуда-то снизу послышался нарастающий глухой рокот, быстро переходящий в оглушительный рёв. Многометровая звукоизоляция не могла противостоять чудовищной ярости двигателей. Тысячетонная машина корабля, сотрясаясь, тонула в этом рёве, как спичечный коробок в водопаде. Рёв постепенно перешёл в надсадный вой. Корабль набирал скорость, перегрузки вдавили экипаж в кресла.

Когда RX-6 вышел на заданную орбиту и двигатели выключились, первым пошевелился капитан. Разминая руки и ноги, он подумал: «Всё-таки невозможно привыкнуть к этому насилию, когда тебя расплющивает как медузу под каблуком. Интересно, как там консультант?» Вслух он спросил:

– Этель, как вы, в норме?

В ответ послышался ещё слабый, но уверенный голос врача:

– Всё в порядке, капитан.

– Ну, тогда посмотрите, что с нашим молодым другом?

– А сковородку уже включили? – «сковородкой» называли генератор гравитации, первые образцы которого делали в форме, напоминающей сковороду.

– Да, можете двигаться.

Через минуту раздался встревоженный голос врача:

– Капитан, он без сознания! Но пульс хороший, я подключу вентиляцию лёгких.

«Ну ладно, случилось что-то экстраординарное, послали неподготовленного человека, но, чёрт возьми, почему именно художника?» – всё время задавал себе вопрос капитан. Вслух спросил:

– Штурман, мы где находимся?

– В секторе нашей ответственности, у его границы.

– А орбита?

– Вписываемся.

- Инженер, как защита, связь?
- Порядок, можем заступать.
- Капитан, нас поведёт «Луна». Рапортую о начале миссии.

В динамиках послышался знакомый голос диспетчера станции «Луна»:

– «Луна» для RX-6: приветствую на орбите! Примите сводку. Вы очень кстати оказались у самой границы с соседним сектором – там давно никого не было; посмотрите, не укрылось ли что-то от радаров?

В кресле консультанта по сенсорным системам стало заметно движение, капитан спросил:

– Сикорский, как самочувствие?

В ответ послышался вполне бодрый голос:

– Спасибо, уже значительно лучше.

Обращаясь к инженеру, капитан попросил:

– Фрэнк, посмотрите, что там, на месте старта?

– Я уже посмотрел – обычные послестартовые возмущения, никакого колодца.

– Что-нибудь выяснили со стартовыми настройками?

– Я как раз этим занимаюсь.

Замигало табло, голос предупредил о манёвре. Заработали рулевые двигатели, звёзды поплыли на экранах, остановились, и послышался гул маршевого двигателя на малой тяге. Перегрузка снова вдавила в кресла, но длилось это недолго. Когда двигатель замолчал, капитан спросил штурмана-помощника:

– Скоро ли будем на месте?

– Думаю, через полчаса можем выйти на визуальный контакт. Во всяком случае, угловые регистраторы смогут засечь, если там что-то есть.

Краем глаза капитан всё время видел сенсорный экран с его странным изображением – картинкой. Существовало что-то непонятное, над чем не было власти, и это раздражало. Охотнее всего капитан погасил бы этот экран, но присутствие консультанта по сенсорным системам делало это невозможным.

Послышался зуммер, и замигала лампа конфиденциальной связи – до сих пор переговоры по внутренней связи могли слышать все члены экипажа. Капитан надел наушники – вызов был от инженера Поплавского:

– Капитан, нам надо поговорить.

– Слушаю.

– Я сравнил стартовые параметры прежние и новые. Новые оказались значительно выгоднее, они позволили нам сэкономить много горючего на старте и теперь при манёврах.

– И что вы об этом думаете?

– Я думаю это работа «красных ящиков».

– Постойте, но они уже около года как у нас, а ничего подобного отмечено не было, насколько я понимаю?

– Да, верно, ничего подобного.

– Так в чём дело?

– Думаю, это влияние какого-то нового фактора.

– И что же это за фактор, у вас есть предположение?

– Мы стартовали несколько раз, и все исходные условия были как сегодня, кроме одного – у нас не было специалиста по сенсорным системам.

– Не понимаю...

– Простите, капитан, я думаю вслух, и, может быть, это бред, но у нас никогда перед стартом не работал сенсорный экран.

– А причём тут сенсорный экран?

– Но вспомните, как вообще этот сенсор у нас появился?

- Ну, его установили, кажется, вместе с «красными ящиками».
- Вот! Экран связан с «красными ящиками».
- К чему вы клоните?
- Капитан, я только констатирую факты, и следующий факт состоит в том, что у экрана перед стартом стоял специалист по сенсорным системам – художник!
- ...?
- Мы ведь включали иногда этот экран – на нём всегда было какое-то абстрактное изображение – картинка, как вы его назвали, ведь оно вас очень раздражало?
- Да, ну и что?
- Может быть, нашему художнику картинка тоже не понравилась, и он решил её поправить? Ведь он там что-то делал... и установил обратную связь.
- Какую ещё обратную связь, с кем?!
- Обратную связь с «красными ящиками». Мы же ломали голову, что означает это странное изображение, – а что, если так выглядят настройки систем нашего корабля с точки зрения «красных ящиков»? Ведь изображение очень сложное.
- Постойте, постойте, и вы хотите сказать, что этот мальчишка возил пальцем по экрану и изменил настройки систем целого корабля?! Да вы с ума сошли!
- И не просто изменил, а улучшил на 25 тысяч космофунтов – это железный факт, я несколько раз проверил. И потом, капитан, вы бы видели эти новые настройки отдельных систем – они совершенно идиотские! Компьютер не мог так посчитать. Но, каким-то образом соединённые в единое целое, они оказались значительно эффективнее!
- Хорошо, но тогда почему Главный компьютер пропустил такие «некомпьютерные» настройки?
- Вот это вопрос. Единственное объяснение, какое у меня есть, – Главком интеллигентнее, чем мы думаем.
- Это снова предположение. Фрэнк, вы замечательный аналитик, но нужно что-то достоверное. Можем ли мы установить, чем действительно занимался консультант у сенсорного экрана?
- Да, я посмотрю записи внутренних камер, думаю, можно будет собрать чёткое изображение.
- Хорошо, а я попробую поговорить с Сикорским, только мне понадобится Этель – я не силён в изобразительном искусстве. Введите её в курс дела.
- В это время послышался голос старшего помощника:
- Мы что-то засекли! Это большой объект, радиомаяка нет, на запросы не отвечает, само собой, радары его не видят – Главком даёт большую неопределённость, третий уровень угрозы, дальнейшее сближение нежелательно. Посылаю зонды: две «невидимки» и одну «наживку». Как слышите, капитан?
- Да, посылайте зонды, и держимся со стороны Солнца.
- Капитан, эти пиратские штучки из XVII века уже не действуют!
- Выполняйте тем не менее.
- Слушаюсь! Будет манёвр.
- Следующие двадцать минут прошли в ожидании сигнала с зондов. Наконец Снайс отпортовал:
- Капитан! Есть картинка с зондов. Это старое прогулочное корыто; знаете, такой плавучий бордель для пенсионеров. Нас это не может интересовать, передадим координаты Службе по надзору за пространством, и, думаю, на этом наша миссия здесь закончена. Как вы считаете, капитан?
- Я хочу увидеть это корыто своими глазами. Начинайте сближение по спиральной орбите.

– Но, капитан, это займёт много времени. А мы можем там быть через пятнадцать минут!

– Выполняйте.

– Слушаюсь.

После этого капитан обратился к врачу-биологу:

– Этель, вы поговорили с Фрэнком? Тогда проводите Сикорского в кают-компанию, я сейчас приду.

Прежде чем идти в кают-компанию, капитан подошёл к креслу инженера.

– Вот, сравните, кэп, это картинка до консультанта и после, – сказал инженер, показывая на экран своего компьютера. – Я не берусь сказать, стало ли лучше, но изменения налицо, и в картинке появилось что-то привлекающее внимание.

– Да, спасибо, Фрэнк, я понял.

Кают-компанией служило просторное помещение с потолком, представляющим из себя большой голографический экран, на котором по желанию могло быть спроецировано любое изображение из большого списка. Сейчас на нём был воспроизведён интерьер какой-то барочной часовни. В собственно стены кают-компании были встроены большие продолговатые экраны – на них светились звёзды. Часть стены занимала витрина бара с закусками и кухонные автоматы. Были также входы в оранжерею и в медицинский блок. Место посередине занимал широкий стол под дерево. Вокруг стола располагались шесть кресел, напоминающих кресла на центральном посту, – на случай внезапного манёвра.

Войдя вслед за врачом, Сикорский с любопытством осмотрелся и, глядя вверх, негромко воскликнул: «А!» – и заметил с одобрением:

– Даже эхо есть!

Этель предложила ему сесть, сама села напротив. Сикорский удобно расположился и, глядя в потолок, спросил:

– А если кому-то не нравится обедать перед алтарём?

– Нет проблем, – врач взяла пульт, послышался лёгкий щелчок, и храм исчез, а потолок засветился матово-молочным светом. – Впрочем, я не на обед вас пригласила. Вы верующий?

– Трудный вопрос. Вообще-то, я думаю, это моё личное дело.

– Не совсем так, ведь экипажи подбирают по совместимости, в том числе и религиозной. Кто-то ведь мог бы невзначай оскорбить ваши религиозные чувства.

– Я не кликуша, и никому не стану совать в нос свои чувства. А не могли бы вы вернуть прежний интерьер?

– Пожалуйста. – Снова лёгкий щелчок – и опять возник храм, засветился красочный витраж.

– Благодарю, забавная игрушка.

В это время вошёл капитан Брант, сел рядом с врачом и, немного помолчав, спросил консультанта:

– Нравится вам у нас?

– Впечатления у меня хорошие, – сдержанно ответил Сикорский.

– А перегрузка?

– Вот тут я подкачал. Но, надеюсь, это будет не часто?

– Кто знает. Вас на Земле крутили на центрифуге?

– Да, пару раз, но это было не так сильно.

– Вас отправили неподготовленным, но хоть предупредили, что это опасно?

– Да, мне сказали, что есть риск, но я согласился.

– А почему такая спешка? И какую задачу перед вами поставили?

– Меня попросили следить, чтобы сенсорный экран работал, а вообще сказали, что корабли переполнены электроникой, а флот технократами и что пора подключать художников.

– А вы знаете, какие функции у этого экрана?

– Мне сказали, что сенсорный экран играет важную роль в управлении кораблём.

– Хорошо, но ведь экран в этот раз работал, что же вас так потянуло к нему? Вы даже стали манипулировать над ним, не так ли?

– Видите ли, меня поразил геометрический холод, исходящий от картины, и плохая композиция: невнятный, невыраженный главный конфликт, отсутствие акцента, плохое, вялое развитие. И этот мертвящий цвет – вот я и постарался исправить.

В этот момент, по сигналу капитана, в разговор вступила врач-биолог:

– Скажите, правильно ли сделать вывод, что вы отнеслись к изображению на экране как к произведению искусства?

– Да, именно так я и отнёсся.

– А можно ли сказать, что изображение всё-таки имело некоторую художественную ценность?

– С большой натяжкой, и то если взять его как заготовку.

– А вы не допускаете, что у автора, как вы выражаетесь, заготовки могли быть эстетические принципы, отличные от ваших?

Тут Сикорский, до этого внимательно смотревший на собеседницу, откинулся на спинку кресла, посмотрел вверх на освещённый солнцем витраж и устало ответил:

– Эстетические принципы могут быть какие угодно. Их и вовсе может не быть, важно только, чтобы на картину можно было смотреть, – и добавил, понизив голос: – И чтобы в ней было хоть немного любви.

– Как вы сказали? Любви?! – встrepенулась врач-биолог. – И вы берёте на себя смелость судить чужую работу, опираясь на такие субъективные критерии?

– Об объективных критериях я уже говорил. А что до смелости – нет времени предаваться сомнениям, век короток, – проворчал Сикорский.

– А вас не беспокоит мысль, что вы, может быть, уничтожили чужое произведение?

В ответ Сикорский монотонным голосом процитировал:

– «Произведения, выставленные на сенсорных экранах, не подпадают под действие закона об авторских правах» – параграф 5, статья 17 Конвенции об интеллектуальной собственности, и значит, я вправе был действовать, оберегая моё эстетическое чувство, – и, оживившись, добавил: – Вы так горячо переживаете за судьбу этого изображения, уж не вы ли автор? Простите, если мои замечания показались вам резкими.

Врач-биолог поджала губы:

– Нет, я не автор.

– Тогда у меня вопрос: почему так много внимания этому эпизоду? Может быть, я нарушил какие-то правила?

В разговор вступил капитан:

– Вы не нарушили никаких правил. Дело в том, что ваши манипуляции над изображением могли стать причиной изменений настроек всех систем корабля. Это пока только предположение, но страшно представить, что было бы, если бы ваше вмешательство оказалось более энергичным.

При этих словах капитана Сикорский подскочил в кресле:

– Вот как! Это очень интересно! И что, новые настройки оказались хуже прежних? А насчёт вмешательства – нет! Нет! Мне не удалось бы переделать картину радикально, экран мне этого не позволил бы. Я мог внести изменения только в определённых пределах. Так что с настройками?

Капитан ответил нехотя:

– По предварительным оценкам ваши – если угодно – настройки оказались эффективнее.

– «Красные ящики»! Это они работают! – воскликнул Сикорский.

– А что вы знаете о «красных ящиках»? – спросил капитан.

– Их нашли двадцать лет назад в марсианских пещерах – похожие на большие и малые головы сыра, многослойная металлоидная оболочка и кварцевый песок внутри. Их было очень много. Стало ясно, что это продукт высокоразвитой цивилизации, некогда существовавшей. Но что это такое? Учёные долго ломали голову, пытаясь понять, для чего они могли служить? Пока однажды ирландский физик Джойс не привёз к себе домой одно устройство и не прилепил к нему скотчем контакты системы климатизации «Умный дом». Через неделю выяснилось, что энергозатраты на поддержание заданного режима уменьшились вдвое.

Устройства стали испытывать в самых разных системах, и всякий раз оказывалось, что эффективность работы этих систем возрастала на десятки процентов, а то и в разы. Неизвестно было, что происходит внутри этих «головок сыра» – к ним подводили исходные данные, на выходе получали результат – это были «чёрные ящики», но поскольку нашли их на Марсе, то называть их стали «красными ящиками». Официальное же их название «Универсальные регуляторы Джойса» – УРД.

Но самое интересное оказалось в другом. Когда УРД подключили к системе регулирования транспорта в Нью-Йорке, пропускная способность улиц не только возросла в два раза, а число аварий уменьшилось наполовину, но, чего уж никто не мог ожидать, резко уменьшилось число аварий со смертельным исходом! И вообще, в городе сократилась смертность, чего не удалось объяснить ускорением прибытия машин скорой помощи. Появились данные, что «ящики» регулируют не только электронные системы, но каким-то образом влияют и на системы биологические. Так, в доме Джойса комнатные растения цвели как сумасшедшие, а сам Джойс в 70 лет женился на молоденькой, и у них появились дети. Поползли слухи о чудесных исцелениях и даже о воскрешениях. ООН наложило свою лапу – вывоз «ящиков» с Марса был запрещён. Появились сталкеры и чёрный рынок, на котором «красные ящики» стоят миллионы. А ваша задача – воспрепятствовать попаданию «ящиков» на чёрный рынок? Не так ли? – и Сикорский с улыбкой посмотрел на капитана.

Теперь капитан Брант увидел смеющееся лицо консультанта вблизи и разглядел на дне его глаз затаившуюся печаль. Снова внутри капитана прозвучало загадочное: «Плохи наши дела...» – и наступила темнота и тишина.

Тишина длилась долго, пока её не нарушил посвист ветра где-то совсем близко. Перед глазами посветлело, и в поле зрения оказались кроличьи лапы. Передние кроличьи лапы чинно расположились перед ним на краю снежной норы и это были ЕГО лапы. Снизу, от дороги – он откуда-то знал, что там дорога, – послышался звук захлопнувшейся дверцы большой машины. ОН потянулся и выглянул из норы – перед НИМ расстилалось большое заснеженное поле. Оно поднималось вправо вверх к темнеющему лесу. Слева тянулась дорога, но машины отсюда видно не было – её закрывал крутой откос. В морозном воздухе слышно было, как работает двигатель. Но вот двигатель заурчал громче, завыл, и машина уехала. Снова стало слышно только посвистывание ветра, колышущего сухие стебли бурьянов, – нора была на меже. ОН хотел было задремать снова – выходить на кормёжку было ещё рано, – но тут, как будто поражённый током, вздрогнул всем телом. Пространство напрялось, всё вокруг насторожилось, даже бурьяны кивали уже не так бессмысленно – между их стеблями стало видно шевелящееся чёрное пятно. ОН всмотрелся: маленькая человеческая фигурка посреди поля, проваливаясь в снег, поднималась вверх по склону. Это была женщина.

И тут же Брант осознал себя снова в кают-компании. Сикорский всё ещё смотрел на него, ожидая ответа. Капитан поморгал, увлажняя пересохшую рогову, и подумал: «Секунд десять...», – а вслух сказал:

– К этому вопросу мы вернёмся позже, а сейчас пора на пост.

В рубке управления их встретил весёлый голос старшего помощника:

– Куда вы все пропали? Мы подкрались к дичи с подветренной стороны!

Все заняли свои места и капитан скомандовал:

– Снайс, дайте максимальное увеличение!

На экранах, медленно увеличиваясь, появились три сильно вытянутых сигарообразных тела, собранных в единую конструкцию. Тела почти не отражали света и скорее угадывались чёрно-серыми силуэтами на фоне звёзд.

– Это, по-вашему, прогулочное корыто? Все по местам! – прозвучал напряжённый голос капитана.

– Это же «Плазма»! Как же это?! – потрясённо протянул старший помощник.

– Некогерентный сигнал! Выстреливаем зонды-метки! Один в цель, четыре с упреждением по вероятной траектории! – скомандовал капитан.

– Выполняю! – отозвался помощник.

В этот момент взревела сирена «Манёвр! Манёвр! Манёвр!» – и в следующее мгновение страшная перегрузка вдавила экипаж в кресла. Скачок длился не больше тридцати секунд, и, после того как напряжение спало, послышался голос капитана:

– Фрэнк, сколько было?

– Почти 9G!

– Как там консультант? Сикорский?

В ответ послышался хриплый голос:

– Жив.

– Снайс, успели выстрелить?

– Да, шеф!

– Молодец! Не только болтать умеете!

И, обращаясь к экипажу, спросил:

– Вспышку кто-нибудь видел?

За всех ответил инженер:

– Вспышки не было, кэп.

– Тогда почему сработала защита? Ещё какая-то угроза?

– Попробую разобраться, – ответил инженер.

– Помощник, где наша дичь?

– Дала тягу – вокруг пусто.

Послышался спокойный голос врача-биолога:

– Господа, пришло время обеда.

– Спасибо, Этель, – ответил капитан. – Помощник, мы корректируем орбиту?

– Да, шеф, придётся потерпеть немного.

Снова вспыхнуло табло «Манёвр!» – и звёзды снова поплыли на экранах.

Последним в кают-компанию с плохо скрываемой радостью на лице вошёл помощник Снайс и, подойдя к капитану, что-то шепнул ему на ухо. После этого он сел за стол рядом с Сикорским.

– Скажите, а как вас зовут? – тут же обратился Сикорский к помощнику.

– Смотря куда. Если к ответу, то вы уже слышали, а если пригласить, то Артур.

– Ну, тогда позвольте называть вас по имени.

– Валяйте, попробуйте.

– Артур, объясните мне, что такое произошло, я ничего не понял.

– Я чуть было не прошляпил «Плазму», а мы гоняемся за ней уже полгода.

– А почему не погнались за ней теперь?

– Бесполезно. Это беспилотник, он разгоняется серией взрывов 20–30 G и больше – мы так не можем.

– А за что капитан вас похвалил?

– Был шанс, что какой-нибудь зонд-маяк адсорбируется на «Плазме».

– Простите, а почему именно адсорбируется?

– Жидкокристаллический передатчик. Растекается по обшивке тонким слоем и излучает кодированный сигнал. Нам ведь не сама «Плазма» нужна, а её контакты: где загружается, куда доставляет груз.

– А почему зонды сперва показали совсем другой корабль?

– «Плазма» захватила контроль над нашими зондами, взломала коды и на нашей частоте дала свои липовые картинки. Это очень хитрая операция, не поверил бы, что такое возможно. Частота-то наша, но передатчики чужие, и я этого не заметил.

В это время поднялся капитан:

– Господа, я думаю, нам надо отметить появление у нас нового члена экипажа. Он оказался полезным приобретением и, похоже, приносит нам удачу: мы хорошо сэкономили на старте, и, кстати сказать, господин Сикорский неплохо заработал. Мы сели на хвост «Плазме» – да, да! Маяк включился, и мы знаем, куда она движется! Мы удачно увернулись от какой-то крупной неприятности – экстренная защита по пустякам не срабатывает. Думаю, это можно отпраздновать. Что думает врач?

Этель улыбнулась:

– Думаю, вы не вы будете, если упустите случай выпить, но по существу согласна: день был трудный, и у нас есть новый член экипажа. Я схожу на склад. – И врач вышла.

– На аптечном складе есть замечательные напитки, но Этель строга, и доступ туда есть только у неё; разумеется, если ситуация не экстремальная, – заметил капитан, обращаясь к Сикорскому.

Через несколько минут вернулась врач с тремя бутылками – это были коньяк, виски и джин.

– Королевская щедрость! – воскликнул Снайс и, тут же оказавшись у бара, стал смешивать коктейли желающим. – Скажите, капитан, а бунт на корабле – это экстремальная ситуация? – спросил он, не отходя от бара.

– Не надейтесь, сынок. Любой бунт Этель же и возглавит, а когда вздёрнете меня на рее, вот тогда и попляшете, правда, Этель?

– Да, капитан Брант! Вас стоило бы высадить на необитаемый астероид за ваши шуточки, – смеясь, ответила врач и, повернувшись к Сикорскому, спросила: – Вам не по вкусу наши напитки – вы очень мало пьёте?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.